

Пролог

— Не выстоять нам, воевода.

— С чего так-то?

— Коли только крепость держать, устояли бы и против большего супостата, а вот выполнить приказ и не допустить перекрытия торгового тракта... Не осилим.

— Не дело говоришь, Боян. Тут думать нужно, как волю великого князя исполнить, а ты ищешь причину, чтоб от долга уклониться.

Воевода откинулся на бревенчатую стену горницы и устремил на своего заместителя вопрошающий и вместе с тем ироничный взгляд, поигрывая клинком боевого ножа. Именно боевого, иначе и не скажешь. Длиной почти в локоть, на треть обоюдоострый с незначительным изгибом. В глаза бросался коленчатый узор булата. Обычная, без изысков, рукоять оплетена кожей, чтобы рука уверенно держала оружие. Кожа уже изрядно потерта от частого использования. Нет, не для красоты предназначен этот клинок, с таким хоть на медведя, хоть на врага.

Весь облик воеводы говорил о том, что он хороший боец. Этим по большому счету и объяснялось его нахождение в приграничной крепости. Правда, была тут еще одна закавыка. Крепость занимала важное стратегическое и экономическое положение: она стояла не просто на границе, а на большом торговом тракте, который проходил стрелой через несколько государств и являлся чуть ли не основным сухопутным торговым путем. Так что талантов военачальника для управления ею было недостаточно. Торговые пошлины составляли немалую часть дохода казны. Поставь сюда кого поглупее или от жадности не ведающего пределов, он тут

такого наворотит, что все приказы разом не разберут. Но, как видно, нынешний воевода толк в подобных делах знал, иначе не отправил бы его сюда князь, человек далеко не глупый. В отличие от своего покойного батюшки, великий князь брячиславский воинскую стезю не больно-то жаловал, все более склоняясь к развитию ремесел да торговли, оттого, наверное, его войска и были биты под Ладой. Так что коли поставил сюда окольничего своего, значит, был уверен: этот справится.

Воевода был всего на пару годков моложе великого князя, на вид ему не больше тридцати пяти. Судя по всему, карьера у него пойдет в гору, если с благодетелем какая беда не приключится или сам чего не учудит. Одет он просто, по-военному. Сверху — чуга, особый кафтан, более всего подходящий для воинского сословия: короткие рукава, просторный подол с боков имеет разрезы, что удобно для верховой езды. На поясе сабля в простых ножнах; гарда без вычурности, с истертой рукояткой. Сбоку на столе прилегла мурмолка — головной убор в форме колпака, опять же простецкая, отвороты из той же материи, что и сам колпак, разве что с вышивкой. Все из дорогого сукна и стоит ой как недешево, вот только воевода мог бы и побогаче обрядиться, чай, не на поле брани.

Боян был одет во фряжский кафтан с зауженными от локтя к запястью рукавами, богато отделанный золотой и серебряной вышивкой и с разрезами по бокам, как у воеводы. На колене покоилась мурмолка, отороченная чернубуркой. На поясе в изукрашенных ножнах сабелька, гарда с камнями, без сомнений, клинок был хорошего качества. Весь вид молодого двадцатилетнего парня говорил о том, что роду он не худого, а потому всякую всячину себе на пояс цеплять не станет. С другого боку крепился дорогой кинжал, как видно, иноземной работы: больно узок, лезвие прямое, сужающееся к концу, да и коротковат.

При последних словах старшего товарища — очевидно, что, несмотря на разницу в возрасте, они были дружны, — а также начальника парень вскинулся и, оперев правую руку в колено, от чего выпрямился так, словно кол проглотил, бросил на воеводу возмущенный взгляд:

— Ты о чем это, воевода? Нешто труса во мне узрел?!

— Остынь, Боян. Кого угодно готов в тебе увидеть, но не труса. Нет в тебе страху, и в большей степени, уж не взыщи, — по молодости лет.

— Зачем ты так-то, Градимир? — Вот уж имечко, никак не подходящее облику воеводы. Какой уж тут «хранящий мир». Хотя как там иноземные мудрецы говорили: «Хочешь мира, готовься к войне». Если так, то да, имя в самый раз. — Ведь не я к тебе в горницу рвался, сам позвал.

— Прости, дружище. Но ведь я тебя для чего позвал? Совета спросить. А ты вещаешь о том, чего мы не можем или могли бы, если бы... А нам не «если». Нам сейчас нужно думать, как быть. Великого князя в битве потеснили, полки в большом расстройстве отходят, преследуемые гульдами, скорее всего, до самой Кукши не остановятся. Где это, говорить не надо? Коли ворог оседлает тракт, помрет торговля, а оттого убытки приключатся.

— Можно подумать, толк от нее великий, коли война случилась.

— Не бухти. Толк есть, и ты о том ведаешь, чай, не одни гульды в мире обретаются, многие хотят торговлю с нами вести. Вот только коли Карла засядет на дороге, то ходу купцам к нам не станет. Иноземных торгашей он не тронет, ему со всеми ругаться не след, но и к нам не пустит. А наших мало того что как липку оберет, так еще и в полон утащит. А великому князю сейчас каждая копейка дорога, потому как новую армию собирать нужно.

— Так сколько княжеств на тот тракт нанизано, как бус на нитку. А ну как они взъярятся на гульдов?

— Пустое. С Гульдией воевать — себе дороже. Опять же из-за одной торговлишки не станут они в свару лезть, тем паче что торговцы могут пойти по Северному тракту — дольше, но лучше так, чем убытки терпеть. Было уж и опять повторится.

— А если торговый люд пойдет через Гульдию, стало быть, гульдам и тут прибыток.

— В корень зришь.

— Так отчего же Миролюб не направил нам подмогу?

— И так стрелецкий полк прислал, откуда ему больше-то взять? Сейчас ему дай бог удержать то, что имеет, да сумеет остановить гульдов у Кукши.

— Все одно у нас только две тысячи стрельцов да сотня посадской конницы. А гульды идут двумя полками, да при каждом — по роте драгун, в круговую три с лишком тысячи выходит. В открытое поле лучше и не соваться.

Иноземные полки в своем составе имели в среднем до полтора тысяч солдат, по десять рот; у славен стрелецкие полки не превышали тысячи стрельцов, по десять сотен. Так что даже когда грудь в грудь выходили два полка, перевес был на стороне противника. Плюс к этому солдаты иностранных держав были наемниками — людьми, по большей части семьей и иными заботами не обремененными. Чего не сказать о стрельцах, у которых имелись и семья и подворье. Пополнение полков шло из своих же семей, а какой родитель отправит кровинушку на убой? Потому и обучают они сыновей крепко, не жалеючи. Вот только новое у славен приживается плохо, никак не получается враз отринуть то, что досталось от отцов и дедов. Семейный человек, защищая свой дом, бьется без оглядки, а как подале отойдет, так совсем иной расклад выходит — назад оглянется и о семье подумает: как они будут без кормильца.

— Про две тысячи это ты верно заметил. А вот еще вспомни о том, что наши полки — из бывалых бойцов... Да если успеть снарядить ополчение, это уже сколько получится?

— С ополчением против гульдов? Воевода...

— Да знаю я, что у них на сегодня самая обученная армия, да только и у великого князя нет иного выхода. За стенами мы выстоим, им еще раз пять по столько нужно, чтобы нас раскатать. Но нам-то требуется извести эти полки или восвояси отправить.

— Дак они и к стенам подступать не станут, если им нужно просто тракт перегородить. Встанут лагерем против нас, делов-то.

— Это так, — тяжело вздохнул воевода. Вот только показалось или он и впрямь бросил на парня лукавый взгляд? — Не нужно им этого. Путь преградить — и то ладушки. А как простоят недельку, то тут уж нам нужно будет силу великую собирать, чтобы разбить их.

— Это точно, лагерь за это время они укрепят основательно. Прости, воевода, но не вижу я, как можно волю Миролоуба выполнить.

— А исполнить надо, ибо недвусмысленна она. В грамоте ясно сказано: беречь тракт.

— Дак грамота-то была писана еще до сражения. Сколько людей мог тогда отослать от себя Карл? А сейчас дело совсем иное.

— Опять ты ищешь не как волю государя выполнить, а как уклониться от выполнения.

— Прости, воевода, но не знаю я как. Вот прикажешь — хоть сам, в одиночку, пойду супротив полков гульдских, а выхода все одно не вижу.

— Вызывал, воевода?

При звуке этого голоса молодой заместитель Градимира произвольно скривился: судя по всему, ни видеть, ни слышать вошедшего в горницу он не хотел, но вынужден был мириться с его присутствием. Впрочем, внешность прибывшего никак нельзя было назвать располагающей.

Высокий, широкий в плечах, с ладной, крепкой фигурой, статный красавец... Точнее, был бы красавцем, если бы эти крутые плечи не венчала голова с сильно изуродованным лицом. Через всю его левую часть сверху донизу, теряясь в ухоженной бороде, проходил кривой бугрящийся шрам. Очевидно, след сабельного удара или тесака приличного, да вот никто в свое время рану не обиходил и швов не наложил. От того удара слегка пострадал и глаз, вернее, не сам глаз, а веко, которое тоже было порезано, а затем срослось как бог положил. Однако на том дело не закончилось. Правая сторона лица хранила след сильного ожога. По щеке, вверх к виску, немного захватив ухо и часть головы, покрытой волосом, сейчас был только уродливый след от бывшей раны. Оттого и борода у него была как бы обрублена справа, не рос волос на месте ожога. Взгляд вошедшего, как и внешность, благообразностью не отличался: он был суров или даже свиреп, как у зверя, загнанного в угол. Вообще весь облик мужчины говорил о том, что он в любую секунду готов броситься на любого и рвать, пока есть силы, а силушка в этом теле имелась.

Былые раны оставили уродливый след на лице, но никак не изувечили тело, скрытое простым, без рисунка, серым кафтаном. Даже петли для пуговиц были из обычной серой тесьмы, а пуговицы — сплошь деревянные. Обычное одеяние простолюдина, вот только из хорошего сукна, и фасон какой-то необычный, кургузый, больше похож на иноземный, но отличается и от них. Штаны славенские, сапоги из крепкой кожи, но тоже без изысков, просто добротная обувь.

Подпоясан крепким воинским поясом, на котором висят ножны с клинком, больше напоминающим палаши иноземцев, но несколько покороче и со слегка изогнутым лезвием, как у сабли. С другого бока — боевой нож, очень похожий на тот, что был у воеводы,

в поясных кобурах — два пистоля, по виду необычные. Конечно, сколь много мастеров-оружейников, столь многообразно и оружие, потому как каждый хочет выделиться, но эти были точно необычными. Вошедший вообще отличался многим, и все его оружие было от лучших иноземных оружейников. Дорогое оружие, очень дорогое, но он готов был выложить за него любые средства, а деньги добывать он умел.

— Проходи, Добролюб.

При этих словах воеводы Боян невольно ухмыльнулся, а и было чему: имя это означало «добрый и любящий», чему никак не соответствовал образ вошедшего. Имя свирепого зверя ему подошло бы куда лучше, впрочем, оно у него было, но он не любил, когда его произносили вслух. То имя, или, если хотите, прозвище, дали ему враги, а их у него хватало.

— Я так понимаю, некогда разговоры разговаривать да расслаживаться. Говори, чего звал.

Кто-нибудь другой уже давно пожалел бы о таком поведении, вот только не этот мужчина. Дело не в том, что он был уверен, что ему ничего не будет, нет, скорее ему было наплевать на все в этом мире и чувствовал он себя здесь только гостем, ждущим, когда его призовут. Одним словом, не мила была ему жизнь.

— Вот сидим и думу думаем, как нам те полки остановить, да ничего на ум не идет, — не стал чиниться воевода. Человека этого он знал не первый день, а потому и цену ему составил уже давно.

— А чего их останавливать, пусть подходят да в осаду садятся. Чтобы им Обережную взять, нужно целую армию подвести, а ведь и против великого князя войско нужно. К тому же Забаву в осаду взяли, там не менее двух полков, чай, силы-то у гульдов не бездонные.

— Нельзя допустить, чтобы проход по тракту прерывался.

— Да-а-а, князь у нас нынче рачительный, не то что батюшка его. Тот все норовил всех окрест за грудки потаскать, а этот о мошне в первую руку печется.

— Ты как смеешь, о великом князе... Холоп...

— Ты, боярич, полегче, холопить свою челядь да кабальных будешь, а я в холопах отродясь не хаживал, — метнув свирепый взгляд на Бояна, оборвал Добролюб. — И не сверли меня взором, на мне уж места не осталось, весь в дырках от таких гляделок.

— Остынь, Добролюб.

— А я и не закипал, воевода, ты эвон боярича остуди.

— Хватит, — сказано это было жестко: вроде и голос не повысил, а сталь так и зазвенела. В ответ на это Добролюб ухмыльнулся и, качнув головой, устремил взор в пол. Вот только ухмылка та была пострашнее оскала звериного. — Заговариваться иной раз начинаешь. Знаю, что жизнь свою не ценишь, но ить и помереть можно по-разному.

— Хм. Убивать-то сразу станешь или сначала послужить потребно? — Лукавство все же проскользнуло на уродливом лице. Многие умерло в душе этого человека, но, зная, не все, и искра от когда-то доброго и любящего сердца все еще тлела, вот только была она настолько слаба, что пламя от нее заниматься никак не хотело.

— Желательно бы послужить, — внимательно глядя в глаза подчиненному, медленно кивнул Градимир.

— Тогда слушаю тебя, воевода, — слегка разведя руки, снова ухмыльнулся Добролюб.

— Как мыслишь, сможем мы остановить ворога в чистом поле?

Ага, как же, «чистое поле». Леса кругом, считай, дремучие, пойти можно только по дорогам, да вдоль реки есть относительно свободный путь, но именно им-то и воспользуются гульды. Не сказать что там теснина серьезная, засеками проход никак не перегородишь, чтобы малыми силами сдерживать большие. Да, по лесам полки вести — сущее наказание, а как про обоз вспомнишь, так и вовсе плакать хочется. Но то в походе, а как в бою, так солдат налегке вполне преодолет и лесную чащу, и болотце да ударит во фланг или тыл. Так что выражение это, конечно, фигуральное, но только все одно верное, чистое поле и есть.

— А это смотря как останавливать, воевода.

— Стало быть, честью придется поступиться, — вскинулся молодой.

Добролюб окинул его задумчивым взглядом и тяжело вздохнул.

— Вот придумали же — ЧЕСТЬ. Кто на ее счет больше всех печется, как не иноземцы. Все-то мы на западников пялимся, как же — просвещенные народы с развитыми ремеслами и непревзойденными науками, а славены — мышка серая да быдло неученое. Иноземцы нас жизни поучают на каждом шагу, а мы им в рот заглядываем. Нас грязными славенами называют, а мы киваем, как кони на выпасе. А ведь это они проживают, как свиньи, не мы. Это ведь у них нет отхожих мест, и гадят они где придется, без стыда

сбрасывая порты или задирая подола. Это в их изукрашенных дворцах, замках да усадьбах невозможно в жару находиться, ибо зловонит так, что глаза режет. Это они ходят завшивевшими и почитают это благостью, а бани так и вовсе не знают. Но нет, мы заглядываем им в рот и ждем, когда они нас научат жить. Честь. А достойно чести возносить человека на костер, не разбирая, мужик то, баба, старик или дите неразумное? Враги они нам. Всегда врагами были и будут, потому как мы им только как холопы нужны, как скотина бессловесная. А врага как ни бей, все к добру.

Вот тебе и свирепый зверь. Как видно, образование у этого воина было неплохим, потому что как иначе объяснить его речи? Довелось ему и повидать многое, и со многими пообщаться. Станный и непонятный человек. А не боярского ли роду? Может, потому ему и благоволит воевода да столько позволяет? Градимир ведь и сам отнюдь не худороден.

— Это не ответ на вопрос, — покачал головой воевода.

— Хорошо уже то, что великий князь прислал в крепость полк стрелецкий, двумя полками все легче будет. Не гляди на меня так, воевода, сравниваем мы число, а то и большего добьемся, но на то воля Отца нашего.

— И как ты этого собираешься добиться?

— Ни к чему тебе это знать, воевода. Знай только, что есть средство. Да не журишь, то мой грех. Потому и не сказываю тебе ничего, что не нужно тебе знать. Выйдешь честь по чести в чисто поле, а что там стряслось или стряжется, тебе пока без надобности.

— А воинской хитростью никак не обойтись? — Мысль о том, что бить врага придется бесчестным путем, Бояну пришлась не по сердцу.

Не нравилась она и враз нахмурившемуся Градимиру. Он знал цену словам Добролюба. Если судить по виду воеводы, предложение для него было неприемлемо, но и отринуть задуманное подчиненным он не мог.

— По воинским премудростям у нас воевода мастак. Значит, коли он меня призвал, то не видит, как можно это дело иначе обделать.

— Десяток свой возьмешь? — спросил Градимир.

— Дак куда же я без него.

— Действуй, с рассветом мы выступаем. — Это сказано было так, словно воевода принял трудное для себя решение.

— Только так, воевода. Если дойдешь до Уютного и не получишь от меня вести, разворачивай обратно и стереги крепость, потому как тогда у нас ничего не вышло и головы мы свои сложили.

— Добро.

Когда дверь за Добролюбом закрылась, Боян, не сводя с нее задумчивого взгляда, обратился к воеводе, явно мучаясь одолевающими его мыслями. Вот не первый день он знает обоих: Градимира — уж несколько лет, этого зверя — более полугода, но никак не может понять, что их связывает и отчего воевода так много позволяет этому странному человеку.

— Градимир...

— Опять тебе Добролюб покоя не дает? И чего ты его не любишь, ить ничегошеньки плохого он тебе не сделал!

— Он служит в нашей крепости, а стало быть, его действия, честь порочащие, на нас ложатся грузом.

— В войне чести мало, тут он прав.

— Воевать можно по-разному, можно и так, чтобы честь не уронить, а он не гнушается ничем, а уж что касается гульдов... Вепрь он и есть Вепрь.

— А за что ему гульдов любить? Ты видел его. Это их работа. Сами они на свою голову зверя в нем пробудили, да такого, что как только замирение выходит, он начинает маяться и метаться из угла в угол. И еще, Боян. Вепрем его вороги называют, ты не смей. Возлюбить его я тебя заставить не могу, но чтобы имя это звериное я больше не слышал из уст твоих. Понял ли?

— Понял, воевода.

— Вот и ладушки. Готовь людей, с рассветом выступаем.

Крепость Обережная была названа так, потому что охраняла единственную переправу через большую реку Турань на сотни верст вверх и вниз по течению. Вот так вот незамысловато. В плане она была прямоугольной, большая стороной вдоль тракта — сто сажений, меньшая — восемьдесят. Крепость каменная, что у славен встретишь не особо часто. Но ее поставили сравнительно недавно, а потому она была рассчитана на противостояние огнестрельному оружию: стены и башни вполне могли выстоять длительное время против пушечного огня.

Устройство у нее простое и немудреное. Внутри размещались казармы, обитателям которых сейчас пришлось потесниться в связи с прибывшим подкреплением. В гарнизон входила также